

Сень Д.В. (Краснодар)

КАЗАКИ КРЫМСКОГО ХАНСТВА В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД СВОЕЙ ИСТОРИИ (1690-е гг. – начало XVIII в.)

Массовое появление казаков на Северо-Западном Кавказе – звено цепи событий конца XVII в., вызвавших Исход казаков с Дона, результат первой в истории донского казачества братоубийственной войны – по точному выражению Н.А. Мининкова. Раскол в Церкви (точнее, его «региональный» аспект), в самом Войске Донском актуализировали сразу несколько направлений ухода казаков с Дона, как правило, не рассматривавшихся ранее в историографии в их типологической связи. Среди таковых назову:

– территорию Крымского п-ва, «сердце» Крымского ханства (причем, вероятно, сам Бахчисарай);

– кубанские владения Гиреев на Северо-Западном Кавказе;

– районы двух рек Северо-Восточного Кавказа – Кумы и Аграхани, где вскоре сформировались мощные казачьи «общины»-сообщества;

– турецкую крепость Азов.

Такая масштабность территориальных устремлений донцов показательна в той, например, части, что указывает на качественно изменившееся отношение этой части казачества к мусульманскому миру, как готовой к расширению форм и методов его освоения. К переходу на новый уровень отношений оказались готовы *все стороны*: Гирейи, Османы, казаки; причем, замечу, указанное явление не возникло бы по целому ряду причин ранее последней четверти XVII в. Формирование рядов кубанского казачества, подданных Гиреев, прошло в своей истории несколько этапов, причем обстоятельства и время появления первых групп казаков (до 1692 г.) на Кубани нуждаются в самом основательном изучении – автор намерен посвятить указанному сюжету отдельную работу. В настоящем исследовании предполагается рассмотреть структурообразующие факторы адаптации казаков на Кубани, характеристики воинского быта, религиозной жизни новых подданных ханов; сделан упор на связь пополнения и развития сообще-

ства кубанских казаков с поздней историей кумских и аграханских казаков¹.

Итак, когда казаки-аграханцы, отступая из владений Тарковского шамхала, направились в спешном порядке на Кубань (сентябрь 1692 г.), на реке Сунже их настиг отряд кумыкских мурз из Эндери (кумыкского владения Эндери в Северном Дагестане) – Муртазалея и Амирхана, причем последний еще привлек для этого дела чеченцев и кумыков²; указание же мурзам пресечь попытку бегства казаков дала княгиня Т.С. Черкасская. В 2008 г. автор обнаружил документы, согласно которых среди преследователей казаков находились не только люди, например, Муртазалея-мурзы, но и «шевкаловы люди»³. В свете этих и других документов⁴ вновь может быть актуализирован вопрос о прямом участии самого шамхала (Будай-шевкала) в указанных событиях. Дело в том, что еще 4 сентября шамхал писал воеводе П.И. Хованскому, что он «воровских казаков... на Аграхани реке осадил», вследствие чего воевода якобы и отправил *по тому* письму «своего столника и воеводу Ивана Григорьевича Волкова... морем в судах с пешими полки, да столника и полковника Григорья Кохановского с конными стрел-

¹ Отдельные сюжеты рассматриваемой тематики см.: Сень Д.В. Славянское население Дона и Северо-Западного Кавказа в конце XVII – начале XVIII в.: к вопросу о новых практиках освоения пространства и преодоления «границы миров» (на примере казачьих сообществ) // Славянские форумы и проблемы славяноведения: Сб. ст. / Отв. ред. М.Ю. Досталь, И.В. Крючков. – М.: Ставрополь, 2008; Он же. «Нам тут на реке Аграхани жить не тесно...»: из истории начального этапа освоения донским казачеством Северного Кавказа в конце XVII в. – начале XVIII в. // Кавказский сборник / Под. ред. В.В. Дегоева. – М., 2008. – Т.5 (37); Он же. Казачество Кубани в конце XVII в.: новые свидетельства об участии в кампаниях Крымского ханства и турецкого Азова // «Полиэтнический макрорегион: язык, культура, политика, экономика»: Тез. Всерос. науч. конф./ (9–10 октября 2008 г., г. Ростов на/Д.). – Ростов на/Д., 2008.

² Акты исторические (далее – АИ). – СПб., 1842. – Т.5. – Док. №215.

³ Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (далее – Архив СПбИИ РАН). Ф.178. – Оп.1. – Д.12348. – Л.2.

⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф.178. – Оп.1. – Д.12349. – Л.1.

цы»⁵. Подчеркну, что особенно надеялся воевода на помощь шамхала в поимке и доставке в Астрахань атамана Левки Маноцкого, лидера аграханцев, с товарищами.

Интересно, что среди отступавших с Аграхани казаков, достигнутых на Сунже, были их жены и дети⁶. Основательность замысла казаков по отступлению на Западный Кавказ видна также из того факта, что после разгрома в руки противников казаков попали также пушки и знамена. На Кубань, по мнению Сербина, уйти удалось примерно тридцати с небольшим казаков⁷, причем, судя по контексту документа, сам он еще не знал общих итогов погони за беглецами. Из отписки начальника военного отряда И. Волкова князю П.И. Хованскому узнаем подробности этой, без всякого сомнения, масштабной операции против аграханских казаков. Оказывается, что 7 сентября 1692 г. Волков был послан по указу царей для поимки «казаков-раскольщиков», придя с отрядом «на море, в урочище Брянцева коса, находясь там до 22 сентября из-за плохой погоды»⁸. О лукавстве с его стороны говорить не приходится – мы располагаем и другими сведениями о плохой тогда погоде, не позволившей состояться быстрейшему сражению. Выясняется, что по велению Хованского он должен был, подойдя к устью Терека, отправить своего посланца к Д. Сербину – чтобы тот прибыл оттуда к нему, Волкову, с казной, предназначенной для Будай шамхала⁹, уже а priori рассматривавшегося в качестве союзника в общем деле расправы над казаками. Вероятно, именно астраханские «ратные люди» Волкова (в составе отряда пеших стрельцов Галачелова¹⁰ и конных стрельцов Г. Кохановского) должны были составить основу экспедиции против аграханцев; под командование Волкова должны были поступить и другие силы. Вскоре после начала операции произошло несколько примечательных событий, показательных по форме и содержанию. Так, в начале же сентября астраханский воевода П.И. Хованский направил письмо Л.О. Домнину с просьбой *срочно* воз-

вратиться в Астрахань с учуга Урустобы ввиду отсутствия как раз воеводы И.Г. Волкова и дьяка И.Салтанова, посланных на Аграхань¹¹. А вскоре и сам И.Волков в письме П.И. Хованскому не постеснялся выразить свое недоумение по поводу «взятия» в Астрахань служилых людей Г.Кохановского и Д.Галачелова; и это при том, что, например, отряд Галачелова уже стоял от Волкова неподалеку, «в ближнем месте на взморье, об урочище Ярках»¹².

По мнению автора, уместно говорить не только о влиянии масштаба операции против казаков на состояние обороноспособности Аграхани, но и о тщательном отношении властей к ее планированию, сопровождавшем самые замыслы царизма по взятию штурмом всего лишь одного (судя по имевшимся данным) городка астраханских казаков. Заявляя, впрочем, о своей готовности наступать на казаков и дальше, воевода теперь уже говорит о желательности Божьей помощи, осторожно намекая о возможности поражения («и чтоб... какие порухи над Государевыми ратными людьми, за малолетством, не учинилось»¹³). Сами же аграханские казаки, получив сведения о готовящемся против них мероприятии, ускорили свой уход на Кубань, вследствие чего план по их разгрому претерпел самые существенные изменения. Недаром в этих условиях оперативно действует Д. Сербин (судя по всему его действия против казаков в возможном союзе с шамхалом – часть реализации единого плана под руководством И. Волкова) – наняв подводы, он немедленно отправляется к кн. Черкасской, согласившейся выполнить его просьбу – организовать преследование и разгром казаков. Именно Д. Сербин первым получил сведения о возвращении к Л. Маноцкому его посланцев из Крыма (см. выше), что, очевидно, и послужило главным катализатором всех последующих событий. Другое дело, что совпали и другие факторы – вероятно, прав И. Волков, указывая, что уход казаков с Аграхани был обусловлен полученной теми информацией о начавшейся из Астрахани операции. Кроме того, нельзя не обратить внимание на разницу в таких, например, датах – письме шамхала от 4 сентября 1692 г. и царском указе, адресованном Волкову (см. выше) от 7 сентября того же года. Это все лишний раз говорит о качест-

⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф.178. - Оп.1. - Д.12320. - Л.1.

⁶ Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI – XVII в.: Сб. документов / Выявл., сост., введ., комм. Е.Н. Кушевой. - М., 1997. - С.256.

⁷ Там же.

⁸ Там же. - С.257.

⁹ Там же.

¹⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф.178. - Оп.1. - Д.12317. - Л.1-1 об.

¹¹ Архив СПбИИ РАН. Ф.178. - Оп.1. - Д.12315. - Л.1.

¹² АИ. - С.370.

¹³ Там же.

венно новой ситуации вокруг аграханской общины, положение которой действительно стало шатким.

Итак – сунженское поражение аграханских казаков, кровавое и сокрушительное; в плен попали тогда не только члены казачьих семей, но и сами казаки. Источники расходятся в оценках численности казаков, сумевших тогда уйти все же на Кубань. По сведениям терчанина Ф. Молчанова, бежавшего морем к Волкову, «пошло де было их казаков с Аграхани-реки всех человек с полтораста, а ушло де их казаков человек с сорок»¹⁴. Эта цифра, как видим, близка сведениям Д. Сербина (см. выше). Напротив, В.Г. Дружинин вполне логично полагает, что для такого малого числа казаков незачем тогда было строить на Кубани целый городок, указывая на примерное число спасшихся беглецов в 200 человек¹⁵. Наконец, согласно данным Войска Донского, на Кубань в сентябре 1692 г. отправились с Аграхани 700 казаков, 200 из числа которых сумели достигнуть цели¹⁶. Представляется, что на самом деле осенью 1692 г. р. Аграхань покинули главные силы казаков, причем во главе с их лидером – Л. Маньцким, т.е. несколько сот человек; недаром и силы против них собирались немалые – не менее 450 человек одних только ратников из Астрахани, число которых в итоге возросло¹⁷.

Аграханская община казаков, таким образом, к осени 1692 г. территориально (как группа в пределах городка) прекратила свое существование. Кумскую общину постигла почти та же участь, хотя здесь необходимо сделать важное дополнение: она просуществовала несколько дольше, чем «аграханский центр». Очевидно, о позднейшей судьбе этих центров кавказских казаков ученым почти ничего неизвестно (об этом умалчивают и В.Г. Дружинин, и Б.М. Боук), но несколько любопытных документов ныне найдено в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН. В отписке царичьинского воеводы Р. Вельяминова-Зернова (июнь 1694 г.), сообщалось о нападении близ «Большиклеевского водово-

рота» на рыбный струг саратовского стрельца П. Гулина отряда татар, калмыков и «куминских казаков»¹⁸. Другой документ еще более примечателен – повествуя, полагаю, о «старобрядческом» следе в истории казаков Кавказа. Осенью 1694 г. терский толмач Т. Кучумов, посланный к Тарковскому шамхалу, привез важные сведения. В частности, он сообщал, что видел у шамхала «воровских аграханских казаков... человек з двадцать и болии»; но, что еще более интересно, нескольких чернецов и трех стариц¹⁹ (полагаю, оказавшихся там не без содействия казаков). Не приходится, по мнению автора, говорить о вынужденном, недобровольном пребывании казаков у шамхала. Ведь, общаясь с Кучумовым, они хвалились «делать морские струги и выезжать для воровства на море».

Отступив на Кубань, аграханские казаки встретились там, во владениях хана, с ушедшими ранее с Дона казаками, проживавшими здесь уже несколько лет. Именно эта община первых кубанских казаков в итоге²⁰ и заложила такие основы отношений с Гиреями, содержанием которых позже успешно воспользуются некрасовские казаки. Для начала необходимо рассмотреть вопрос о реакции хана на появление новой группы казаков в своих кубанских владениях. Подчеркну, что нам известен и такой факт: еще до событий на Сунже кубанские казаки выразили готовность проводить аграханских посланцев в Крым, куда в итоге те и попали (а затем успешно и вернулись на Аграхань). Полагаю, что отступление казаков с Аграхани именно на Кубань подкреплялось готовностью хана Селим-Гирея принять казаков в подданство.

После очередной, уже с Кубани, поездки казаков в Бахчисарай (причем просьбы ходатаев были рассмотрены в Диване²¹) ситуация с их правовым статусом меняется качественно. В результате челобитной, с просьбой принять их в «холопство», «крымской хан принял их... с великою любовью и велел им жить... казыева улусу татаром (т.е. среди Малых ногайцев. – Д.С.)»²². Уверенность казаков в завтрашнем дне вызвала распространение сведений о скором при-

¹⁴ Русско-чеченские отношения. - С.258.

¹⁵ Дружинин В.Г. Раскол на Дону. - СПб., 1889. - С.211-212.

¹⁶ Боук Б.М. К истории первого Кубанского казачьего войска: поиски убежища на Северном Кавказе // Восток. - 2001. - №4. - С.33.

¹⁷ Архив СПб. ИИ РАН. Ф.178. - Оп.1. - Д.12316, 12317.

¹⁸ Там же. - Д.12589.

¹⁹ Архив СПб. ИИ РАН. Ф.178. - Оп.1. - Д.12703. - Л.2.

²⁰ Усенко О.Г. Начальная история кубанского казачества (1692-1708 гг.) // Из архива тверских историков: Сб. науч. ст. - Тверь, 2000. - Вып.2.

²¹ Боук Б.М. Указ. соч. - С.33-34.

²² Архив СПбИИ РАН. Ф.178. - Оп.1. - Д.12348. - Л.1.

ходе на Кубань с Дона новых, «многих» казаков. Сами казаки (бывшие *аграханцы*), полагаю, чувствуют себя на Кубани достаточно спокойно. Нельзя не сказать здесь и о том, что наращивание коммуникационных связей между ханами и казаками-«изменниками» происходит даже до складывания кумской и аграханской общин. Так, по показаниям бывшего крымского пленника И. Глистина (1689 г.), в ханском войске было несколько казаков, за год до того бежавших с Дона в Крым и там «обусурманившихся»²³. В ответ на предложение кн. В.В. Голицына выдать беглецов хан отказался – мотивация отказа определялась тем, что казаки приняли магометанство «и оттого им стало сытно». Исход на Кубань, обращаю внимание, носил в значительной степени семейный характер (речь о женах и детях), знаменуя качественные изменения в восприятии казаками-старообрядцами земель Крымского ханства уже как «нормальных», а не «богопротивных». О прочности семейных связей лишней раз говорить не приходится – недаром, жалуясь хану на сунженские события (см. выше), казаки указали, что преследователи не только «животы пограбили», но и «побрали» в плен жен и детей. Реакция Селим-Гирея предстает вполне закономерной – к «обидчикам» казаков направлялись нарочные с требованием вернуть родственников новых подданных хана, либо тот «придет на них за то войною»²⁴. События, следовательно, разворачивались таким образом, что позволяли казакам Кубани вести разговоры, что отсюда им будет «ходить для воровства способно...».

В том же документе, где речь шла о «холопстве казаков», находим одно из самых серьезных подтверждений заинтересованности не только Гиреев, но и турецкого Азова в использовании казачьего фактора и, конечно, контроля за их действиями. Оказывается, что именно из Азова был направлен на Кубань азовский татарин Кубек-ага «со всем своим кочевьем»²⁵, который должен был не только помогать казакам в обустройстве, но и непосредственно командовать ими. Другой документ уточняет и расширяет наши представления о мотивационных основаниях азовского паши, решившего отдать казаков под начало Кубек-

аги; и трактовка здесь следующая – «для береженья тех росколицков» от ногайских и иных «орд»²⁶.

Обращает на себя внимание хронология событий – казаки, почти полностью разгромленные на р. Сунже, пришли на Кубань осенью 1692 г., а в апреле уже ожидался приход к казакам Кубек-аги: «Да к тем же казаком будет на Кубань реку на житье из Азова азовской Кубек-ага со всем своим кочевьем»²⁷. Имя этого аги («старшины» для казаков) множество раз встречается в документах – в контексте истории казаков Кубани, как человека влиятельного и порой злоупотреблявшего своими полномочиями. И все же – чаще всего стороны выступали вместе: так, в 1693 г. были получены сведения о готовящемся нападении кубанских казаков на рыбные ватаги р. Волги, «а с ними идет Кубек ага, потому что дана де ему... власть от крымскаго хана над ними правителем быть и городок им на Кубане соорил»²⁸. Ага весомо помог казакам в постройке городка (междуречье Кубани и Лабы), владея информацией, кстати, о том, какой это могло иметь резонанс среди донских казаков, также намеревавшихся оставить Дон²⁹ и перейти на Кубань в подданство к ханам.

Далее считаю необходимым указать на непосредственную связь между действиями азовского паши и т.н. «азовскими» практиками донских казаков, продолжающимися и в конце XVII в. Повторение указанных практик неслучайно – Азов избирается казаками сознательно, традиционно в качестве высокостатусного места, маркирующего переход фронтирной зоны. Так, из показаний кубанского казака Д. Башмака, пойманного и допрошенного в 1694 г., следует, что во время событий раскола на Дону (примерно в 1690 г.), покинув семью, «пошел в Озов один... и явился озовскому бегу Темеше. И жил у него во дворе месяца с два»³⁰. Любопытно, что адаптация не потребовала от казака перехода в мусульманство, хотя черты культурного антиповедения налицо – в посты, а также в среду и пятницу – «по их босурманской обыкности» – Башмак стал есть мясо. Ска-

²⁶ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф.210. Белгородский стол. Стлб.1406. Л.178.

²⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф.178. - Оп.1. - Д.12348. - Л.1-2.

²⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф.178. - Оп.1. - Д.12364. - Л.2.

²⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф.178. - Оп.1. - Д.12449. - Л.1.

³⁰ РГАДА. Ф.210. Белгородский стол. - Стлб.1406. - Л.176.

²³ Бережков М. Русские пленники и невольники в Крыму // Труды VI археологического съезда в Одессе (1884 г.). - Одесса, 1888. - Т.2. - С.360.

²⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф.178. - Оп.1. - Д.12348. - Л.2.

²⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф.178. Оп.1. Д.12348. Л.1-2.

занное, впрочем, не значит, что нарушение Башмаком пищевого запрета – уникальный случай – в сборнике «Булавинское восстание» (М., 1935) нам встречались примеры подобного поведения со стороны повстанцев. Впоследствии бей отправил Башмака на Кубань к таким же «воровским казакам и расколицикам», которые «по нем поручились». Как оказалось потом, Башмак с остальными казаками, подданными хана, стал беспрепятственно и «почасту» ездить с Кубани в Азов и обратно. Другой казак, М. Тарасенко, показал в 1694 г., что и он после своего прихода на Кубань также оказался в Азове – «и в Озове жил у терченина»³¹. Переход вызвал смену имени – Юсупка, принятие мусульманства, хотя и без совершения процедуры обрезания. Любопытно при этом, что указанные «новаци» воспоследовали не на Кубани, где какое-то время он жил среди казаков-«расколициков», а именно в Азове.

Примечательно и то, что азовский бей лично содействует мерам по адаптации казаков на Кубани и в Азове, привлечению их к реализации военных и т.п. замыслов, поощряет их, а в ряде случаев – не спешит чересчур сурово наказывать. Подчеркну, что здесь наблюдается системный подход – те же меры азовский паша применял еще к казакам Кумы и Аграхани, привлекая их к набегам; по итогам которых казаки получали добычу, включая полон, продавали его в том же Азове³². Так, известнейшие вожди кавказских казаков – П. Мурзенко и Л. Маноцкий «отметились» в совместном набеге с азовцами в 1691 г., захватив в плен 1 тысячу человек. Интересно, что администрация турецкого Азова получает сведения о кумских и аграханских казаках еще до событий, связанных с их переходом на Кубань в начале 1690-х гг. Едва ли не самый примечательный коммуникационный акт произошел в 1689 г. на Дону, где кумские казаки столкнулись с группировкой «азовского бея». Здесь можно сказать, что отношения между казаками Кумы/Аграхани и донцами складывались непросто, недоверие было взаимным, конфликты – частыми и кровопролитными³³, несмотря на отдельные случаи возвращения «изменников» на Дон. А тогда, в год 2-го Азов-

ского похода, кумские казаки вновь решили обрушиться на донские городки – полагаю, что в основе мероприятия лежали основания иного порядка, нежели желание обогатиться материально. Попутно кумские казаки решали проблему увода с Дона членов своих семей. Во время встречи с казаками азовский бей потребовал от них «присяги в том, что они возвратятся... на Куму и будут служить верно крымскому хану противу врагов его, и они беспрекословно дали ему в том клятву»³⁴. Показательно, что сами казаки просили бея сообщить хану Селим-Гирею о том, что они суть – крымско-подданные и что в дальнейшем не перестанут разорять жилища своих неприятелей – донских казаков. Здесь же отмечу, что при бее находился «крымский царевич», подтвердивший лояльность казаков и, таким образом, едва ли не поручившийся за них. В целом, полагаю, лояльность азовского бея по отношению к казакам носила прочный характер и могла только усиливаться в связи с приходом на Западный Кавказ новых групп казаков, получивших совершенно определенную «известность» в бытность кумской и аграханской общин. Кроме того, и другие казаки, уходя с Дона, стремились актуализовать свой переход «границы миров» в Азове (подр. см. об этом выше), например, в 1692 г., становясь участниками антироссийских акций³⁵. Но и Азов не был единственным местом маркирования такого перехода – 1699 год, например, отмечен бегством в турецкий же Ачуев трех «русских людей» из Азова и сменой там вероисповедания³⁶.

Возвращаясь к событиям адаптации казаков на Кубани, анализу их отношений со «старыми» казаками, ногайцами, Гиреями и турецкой администрацией Азова, уместно начать с ответа на вопрос об определении места жительства этих новых насельников Кубани. Первые группы казаков, поселившиеся на Кубани до 1692 г. (точная дата неизвестна – Б. Боук делает ошибку, ссылаясь на данные РГАДА, которые³⁷ напрямую не соотносятся ее с его версией по определению времени перво-

³¹ РГАДА. Ф.210. Белгородский стол. - Стлб.1406. - Л.121.

³² РГАДА. Ф.111. - Оп.1. 1691 г. - Д.1. - Л.2.

³³ РГАДА. Ф.111. - Оп.1. 1691 г. - Д.1. - Л.2; Там же. 1691 г. - Д.3. - Л.50; Там же. 1694 г. - Д.4. - Л.6.

³⁴ Сухоруков В. Историческое описание Земли Войска Донского. - Ростов на/Д., 2001. - С.353.

³⁵ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. - Воронеж, 1888. - Вып.13. - С.1358.

³⁶ Доба гетьмана Ивана Мазепы в документах / Упорядник С. Павленко. - К., 2007. - С.577.

³⁷ РГАДА. Ф.210. Белгородский стол. - Стлб. 1406. - Л.123.

го появления казаков на Кубани – 1689 или 1690 г.) жили, скорее всего, не в отдельном городке, хотя и при реке Кубани. О.Г. Усенко также справедливо пишет о том, что первоначальное место пребывания кубанских казаков нам неизвестно³⁸. Уместно вспомнить о замечании В.Г. Дружинина, отмечавшего, что он не сумел найти в архивах данных о времени и обстоятельствах появления на Кубани казаков С. Пахомова. Поэтому нельзя не учесть редкого свидетельства бывшего донского казака Д. Башмака, показавшего в 1694 г., что примерно 4 года назад он бежал с Дона в Азов и азовский паша в том же году (1690?) отправил его на Кубань «к таким же воровским казакам к расколщикам», поручившимся при этом за него перед азовскими татарами»³⁹. Косвенным же подтверждением отсутствия новопостроенного казачьего городка раньше 1693 г. является тот факт, что аграханским казакам было велено строить городок в междуречье Кубани и Лабы, который, по одним данным, и был построен к осени общими усилиями казаков и ногайцев⁴⁰ под руководством, надо думать, Кубек-аги. В других документах, за июль-октябрь (крайние даты 27 июля – 17 октября) 1693 г. о постройке городка говорится как о свершившемся факте⁴¹ – в них снова актуализирована роль Кубек-аги, а сами казаки в очередной раз названы «расколщиками». Полагаю уместным говорить о перенесении на кубанскую почву умения донских казаков использовать особенности рельефа, других характеристик местности при устройении городков. На указанную мысль наводит несколько обстоятельств – в частности, возведение городка тогда, в 1693 г., в междуречье Кубани и Лабы и, скорее всего, на острове⁴², что существенно снижало вероятность внезапного нападения на его жителей.

Одним из лидеров аграханских казаков, осуществлявших их переход на Кубань и уцелевших на Сунже, был уже известный (см. выше) атаман Л. Маноцкий, так и не пойманный российскими властями, но в 1695 г. каз-

ненный Войском Донским в Черкасске⁴³. Кубанских казаков, в свою очередь, возглавлял Савелий Пахомов, согласно новейших обнаруженных архивных данных – «родом... тума. Прежде сего (до 1694 г. – Д.С.) жил в городке на устье Хопра»⁴⁴; есть также указание, что Пахомов проживал и на Медведице⁴⁵. Такой ряд казаков-«метисов», вероятно, можно продолжить – ведь самого Льва Маноцкого донцы именуют в песнях *тумой*⁴⁶, – актуализировав при этом вопрос о роли тум-«полукровок» в наращивании объема и содержания культурных практик донских казаков с кочевым миром, турками и т.п. акторами исторического процесса.

К моменту прихода новых групп казаков на Кубань община казаков этого региона была весьма немногочисленной – современник и очевидец событий начала 1690-х гг., Демка Башмак, указывал, что казаков тогда было «мужеского полу которые ружьем владеют, человек с пятьдесят, а женска полу, также и детей, их сколько число было... не упомнит»⁴⁷. Такие числа вполне коррелируются со сведениями другого пойманного казака, Демки Маркова, определявшего число кубанских казаков в несколько десятков человек⁴⁸. Ценным является указание и на то, что на Кубань переселялись казаки из *верховых донских городков* и что, скорее всего, среди членов казачьих групп, осваивавших Кубань в начале 1690-х гг., находились не только аграханцы, но и выходцы из кумской общины казаков⁴⁹. В результате пополнения рядов кубанского казачества численность группы возросла до *нескольких сот*: «И ныне-де их расколщиков живет на Кубани человек со двести и болии»⁵⁰.

Можно предположить, что общее число казачьего населения Кубани могло достигать еще больших пределов, если учесть достаточное распространение в их среде семейно-брачных отношений. Так, выходец из татар-

⁴³ Дружинин В.Г. Указ. соч. - С.212.

⁴⁴ РГАДА. Ф.210. Белгородский стол. - Стлб. 1406. - Л.177.

⁴⁵ РГАДА. Ф.210. Белгородский стол. - Стлб. 1406. - Л.126.

⁴⁶ Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). - Ростов на /Д., 1998. - С.442.

⁴⁷ РГАДА. Ф.210. Белгородский стол. - Стлб. 1406. - Л.177.

⁴⁸ Боук Б.М. Указ. соч. - С.33.

⁴⁹ РГАДА. Ф.210. Белгородский стол. - Стлб. 1406. - Л.177, 178.

⁵⁰ РГАДА. Ф.210. Белгородский стол. - Стлб. 1406. - Л.177.

³⁸ Усенко О.Г. Начальная история кубанского казачества (1692-1708 гг.) // Из архива тверских историков. - Тверь, 2000. - Вып.2. - С.63.

³⁹ РГАДА. Ф.210. Белгородский стол. - Стлб. 1406. - Л.176.

⁴⁰ Боук Б.М. Указ. соч. - С.32.

⁴¹ Архив СПбИИ РАН. Ф.178. - Оп.1. - Д.12364. - Л.2; Там же. - Д.12449. - Л.1.

⁴² Архив СПбИИ РАН. Ф.178. - Оп.1. - Д.12348.

ского плена, донской казак, показал на допросе в Азове (октябрь 1698 г.), что в бытность его в плену на Кубани приезжал к его хозяину (надо думать, ногайцу) казак-«ахреянин» – для лечения, кстати, лошади. По его словам, оказывалось, что казаков-«ахреян» на Кубани насчитывалось «человек с пятьсот»⁵¹. Попутно отмечу, что указанный эпизод с лечением казачьей лошади кем-то из ногайцев вполне может быть рассмотрен в контексте и в целом: конечно, при подсчетах нужно учитывать ряд факторов – от убыли населения по объективным основаниям до нового численного вливания (о чем ниже пойдет речь); однако автору при этом представляется, что цифра в 500 человек (включающая в себя казаков и членов их семей) вполне может быть принята за основу при определении численности казачьего населения Кубани конца XVII в.

Численно возросшее сообщество кубанских казаков представляло собой мощную боевую единицу, в использовании потенциала которого были заинтересованы и Гирейи, и турецкий паша, и кавказские владетели, не забывшие о тех временах, кумские и аграханские казаки наводили ужас на астраханских, черноморских и терских воевод. Подчеркну, что о ситуативной поддержке «противниками» России казаков снова говорить не приходится – перед нами системные практики (от финансовой помощи до удовлетворения духовных запросов). Так, помимо приведенных выше фактов, в пользу такой точки зрения автора можно привести аутентичное свидетельство конца XVII в. о том, что казакам, «ворам и изменникам», «давает... в Азове у бея и в Крыму у хана жалованья»⁵². Имелось и другое важное основание, о котором нельзя не упомянуть: поддержка турками и ханами стремления казаков наладить удовлетворение религиозных запросов. В начале 1690-х гг. в турецкий Азов прибыла с Кубани группа казаков, подданных крымского хана Селим-Гирея б. Бахадур-Гирея, уже не первый год проживавших в этой части владений Гиреев. Ходатаи били тогда челом азовскому бею, чтобы тот дал им «рускаго попа»⁵³. Любопытен характер отрицатель-

ной реакции высокого чина турецкой администрации – оказывается, в его распоряжении *всего лишь* не оказалось тогда нужного казакам священника; и речь в целом не шла о негативном отношении к просьбе «кяфиров». Уже в то время (данные за 1694 г.) среди казаков Кубани находится 8 чернецов, имена трех из которых нам известны – Варлаам, Савватий, Киприан. Любопытно, как поступили казаки после «*щадящего*» для них отказа паши – «и они меж собою наставили сами в попы тобольца Исачку»⁵⁴. Такое поведение вполне укладывается в предыдущие практики донских казаков, когда Войско Донское оказывало самое существенное влияние на организацию церковной жизни, включая назначение священников.

К слову сказать, согласно данным за 1697 г. среди кубанских казаков находился «*поп белой*» с Медведицы, «*да чернецов члвк з дватцать живут с ними казаками особно куренем, а сказывают те чернецы, что они ушли для того, что их в вере неволят по-новому*»⁵⁵. В 1702 г. казаки, проживавшие тогда в Копыле, отправили от себя через Крым на Северский Донец (приток Дона) «*восм человек казаков к росколцику Авилу для взяття ево к себе в городок и о пропуске ис Крыму взяли у хана проезжий лист*»⁵⁶. Эпизод с Авилкой показателен еще в таком измерении – он характеризует состояние социальных сетей кубанских казаков, в данном случае – с казаками Дона. Оказывается, что на Дону казаки почитали Авилку за святого, «*потому что де тот Авилка им, казакам, кто из них придет к нему о чем справитца, пророчествует*»⁵⁷. Слухи о его приходе на Дон якобы из Иерусалима быстро распространились среди донцов, с которыми в разных формах контактировали казаки, подданные хана. Авторитета глубине пророчеств Авилки добавляли, например, его слова о том, что в первый раз казаки не сумеют взять Азов, но во второй раз им это удастся.

Примечательно, что ни тогда, ни позже казаки нимало не смущались обращаться с подобного рода просьбами к своим верховным сюзеренам – крымским ханам, почти без исключений находя при этом действенную поддержку. Таким образом, и в сфере ожиданий, связанных с религиозными аспектами адапта-

⁵¹ Архив СПбИИ РАН. Коллекция 238. - Оп.2. - Картон 249. - Л. 1 об.

⁵² РГАДА. Ф.210. Белгородский стол. - Стлб. 1406. - Л.126.

⁵³ РГАДА. Ф.210. Белгородский стол. - Стлб.1406. - Л.178.

⁵⁴ РГАДА. Ф.210. Белгородский стол. - Стлб.1406. - Л.177.

⁵⁵ РГАДА. Ф.119. - Оп.1. 1697 г. - Д.9. - Л.8.

⁵⁶ Усенко О.Г. Указ. соч. - С.74.

⁵⁷ РГАДА. Ф.371. - Оп.1. - Ч.1. - Д.291. - Л.38.

ции, ослабления именно такого предметного поля психической напряженности у казаков, мы находим основания для полагания – турецкий Азов проводил типологически ту же линию, что и Гирей, способствуя дальнейшей системной социальной адаптации казаков Крымского ханства. Не менее показательный случай произошел в конце 1690-х гг. (наверняка – до 1697 г.), когда казаки решают пожаловаться хану на самого Кубек-агу, который *«хотел с тех казаков в пане, и в звериной, и в рыбной ловле иметь десятую долю»*, – как сообщал об этом Афонька Федоров, выполнявший у кубанских казаков функции толмача. Выкупленный в горах Кавказа *«войсковым атаманом»* Савелием Пахомовым, он оказался на Кубани, где и стал жить среди казаков. Любопытно, что сам Афонька называет их *«аграханскими»*, определяя численность примерно в полторы сотни⁵⁸. Как очевидец событий, толмач сообщает уникальные сведения – недовольные агой, казаки отправили в Крым 4 своих посланцев, добравшихся до Бахчисарая и, сумевших вручить челобитную хану, *«чтоб с них Кубек ага податей никаких не имал»*. Итоги 18-дневного пребывания посланцев в Крыму можно назвать успешными – *«и крымской хан с тех Козаков имать ничего не велел»*⁵⁹. Спустя примерно год ситуация типологически повторилась – в Крыму вновь увидели кубанских казаков с жалобой на все того же Кубек-агу, устроившего запашку на землях, удобным казакам для выпаса скота.

И вновь Селим-Гирей взял сторону своих христианских подданных – аге был отправлен ограничительный *«лист»* на право пахать *«казачью»* поляну⁶⁰. Генерализировать значение конфликта не станем – впоследствии казаки не раз принимали участие в набегах под руководством как раз Кубек-аги. С другой стороны, уместно отметить и неоднородность самого казачьего сообщества, борьбу лидеров за упрочение своего положения. К примеру (данные на 1697 г.), *«ис тех де казаков, которые живут на Кубане, молодчие люди члвк со сто думают идти на Дон..., а удерживают их пуцце воры атаман Савка Пахомов, Стенка Жетура, Васка Мануйлов с товарищи члвк с десят»*⁶¹. Отмечая владение казаками информации о прислан-

ных им из Москвы милостивых указов, укажу, что в истории не зафиксировано сколь-нибудь значительных примеров обратного перехода кубанских казаков в российское подданство; следовательно, мнение некоторых специалистов (В.Г. Дружинин) о значительных масштабах такого явления вполне может быть поставлено под сомнение. Отдельные случаи, конечно, имели место, свидетельствуя о разных настроениях среди кубанских казаков. Так, Войско Донское сообщало в Москву в 1709 г. о поимке одного кубанского казака и приходе в Войско другого, *«из воли своей»*⁶². В итоге: захваченного казака повесили – *«по обыкновению»* войсковому на якоре за ноги; второго же – простили, согласно царских указов, присланных от генерал-майора В.В. Долгорукого. Интересен в этом отношении сюжет с мнимым, считаю, переходом на Дон атамана Л. Маноцкого в 1695 г. после смерти которого, как считают некоторые ученые (Б. Боук), С. Пахомов становится самым влиятельным лидером кубанских казаков. Учитывая уровень *«заслуг»* атамана перед Россией, степень его влияния среди казаков и признания властями того же Азова, крайне сомнительным представляется трактовать поступок (просить прощения в Черкасске) с позиций раскаяния и т.п. оценок. Скорее всего, масштаб личности Льва Маноцкого нашел выход здесь в реализации *обманной акции смирения*, под видом которой вполне можно было узнать оперативную ситуацию в Черкасске. Таким образом, можно действительно полагать, что войсковой атаман Ф. Минаев, *«проникнув его замыслы, приказал калмыкам его расстрелять»*⁶³.

Говоря здесь об отношении Войска Донского к кубанским казакам, нельзя согласиться с В.Г. Дружининым в той его мысли⁶⁴, что ушедшие на Кубань казаки перестали представлять опасность и для Войска Донского, и для Москвы. Основные неприятности российской администрации на Кавказе и в Поволжье доставляли именно те казаки, которых принял к себе крымский хан Селим-Гирей. В целом можно полагать, что уже на рубеже XVII – XVIII вв. кубанское казачество стало играть активнейшую роль в активизации новых переходов донцов на Кавказ, набегах (теперь уже

⁵⁸ РГАДА. Ф.119. - Оп.1. 1697 г. - Д.9. - Л.4.

⁵⁹ РГАДА. Ф.119. - Оп.1. 1697 г. - Д.9. - Л.4.

⁶⁰ РГАДА. Ф.119. - Оп.1. 1697 г. - Д.9. - Л.4.

⁶¹ РГАДА. Ф.119. - Оп.1. 1697 г. - Д.9. - Л.8.

⁶² РГАДА. Ф.111. - Оп.1. 1709 г. - Д.11. - Л.7.

⁶³ Сухоруков В. Историческое описание Земли Войска Донского. - Ростов на/Д., 2001. - С.357.

⁶⁴ Дружинин В.Г. Указ. соч. - С.212–213.

часто в союзе с ногайцами) на окраины Российского государства и общем повышении внимания Крыма, Османской империи и России к казачеству как важному игроку на пространстве Дикого Поля и сопредельных территорий. В Москве действительно адекватно оценивали степень опасности нового мощного центра казаков, противников России, выдачи которых было добиться значительно сложнее, чем пытаясь подкупить шамхала Тарковского. Уже 18 июля 1693 г. царь Петр I повелевал грамотой донскому атаману Ф. Минаеву разорить на Кубани казачий городок, предостерегая при этом, чтобы к казакам хана не уходили старообрядцы из верховых донских городков⁶⁵. Считаю, что никаких оснований считать, что акция состоялась, нет – активность кубанских казаков лишь возрастает.

Так, 31 июня 1692 г. с ногайской стороны Дона на казачьи городки напали калмыки, азовские татары и «расколицы», нанеся удар между городками Решетовым и Вешками и отбив у казаков «конския и животинныя стада»; затем группировка отправилась в междуречье Черной и Белой Калитвы⁶⁶. Но, как предполагали российские военные специалисты, возможно нанесение удара по Острогжску и другим «украинным городам» по Новой Черте. Можно почти не сомневаться, что речь шла именно о кубанских казаках – ведь «ногайская сторона» Дона была обращена как раз к Кубани, тогда как на «крымской» его стороне проживали сами донские казаки. Группировка была крупной – после событий на Дону ожидался ее приход под Острогжск и другие «украинные города» по Новой черте. Летом 1693 г. черныярский воевода Ф. Спешнев извещал князя П.И. Хованского о полученных из Войска Донского сведениях – поселившиеся на Кубани казаки и ногайцы под командой Кубек-аги готовятся напасть на рыбные ватаги, но, что-то больше его тревожило – в случае такого нападения Черный Яр невозможно будет оборонять по причине «малолюдства» и отсутствия боеприпасов⁶⁷. Подчеркну, что воевода тревожился еще по тому основанию, что, если нападение в итоге свершится, то первым по счету оно не станет. Тогда, 6 июня 1693 г., кре-

пость удалось отстоять от набега все тех же казаков и татар. Бой был серьезным, крепость осаждали несколько сот человек, вооруженных в т.ч. пищалями, по которым велся и пушечный огонь, существенно опустошивший «зеленую казну»⁶⁸. Еще раз отмечу, что Черный Яр не был рядовой «крепостцой», имея стратегическое значение в общей системе обороны самой Астрахани. Вновь отмечу роль «азовского фактора» в реализации казаками своих замыслов – недаром оперативные данные Войска Донского подтверждали пребывание части казаков в Азове (подр. см. ниже). «А и ныне от них расколициков будучи в Азове, говорили... злыми похвальными словами, что де пойдут они еще доставать Черный Яр, а сними в том походе... идут многия ногайския мурзы...»⁶⁹. Но вот на что еще необходимо обратить внимание, так это на связь между масштабом указанной очередной кампании с успехами предыдущих акций – потому что их воинских людей и «расколициков прежняя добыча учинила повадна...»

Сами же кубанские казаки не собирались в целом ограничивать себя в выборе направления ударов, действуя на обширном пространстве от Подонья до Прикаспия, нанося точечные удары также по «внутренним» российским землям (напр., районе Воронежа). Поэтому можно не согласиться с О.Г. Усенко в той его мысли, что казаки усиливают свою активность в Нижнем Поволжье из-за активизации действий России под Азовом, снижая ее на других направлениях⁷⁰. Еще первые кубанские казаки заявляли о своей готовности «ходить для зипуны по города великих государей...» Увеличение численности рядов казачества за счет групп с Кумы и Аграхани актуализировало этот призыв и его реализацию на деле. После известных событий под Черным Яром астраханский воевода П.И. Хованский направил в Черный Яр «для береженья» 100 стрельцов, опасаясь также реализации угрозы со стороны крымцев и казаков-«раскольщиков» идти «для воровства под Царицынскую заставу к Волге-реке... и на рыбные ватаги...»⁷¹. 11 июля того же года «воровские воинские люди», среди которых видим и «отступников расколициков казаков» напали на группу рыбаков, рыбачивших ниже Черного Яра на 16 лодках, 15 человек из числа

⁶⁵ Короленко П.П. Некрасовские казаки // Известия ОЛИКО. - Екатеринодар, 1900. - Вып.2. - С.14.

⁶⁶ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. - Воронеж, 1888. - Вып.13. - С.134.

⁶⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф.178. - Оп.1. - Д.12364.

⁶⁸ АИ. - Т.5. - С.376-377.

⁶⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф.178. - Оп.1. - Д.12364. - Л.2.

⁷⁰ Усенко О.Г. Указ. соч. - С.64.

⁷¹ Архив СПбИИ РАН. Ф.178. - Оп.1. - Д.12367. - Л.1.

которых попали в плен⁷². Другой случай подобного рода отправку против «воровских людей» головы астраханских конных стрельцов М.Ф. Керейтова с юртовскими татарами⁷³. Характерно, в отпуске памяти, ему адресованном, рекомендовалось не спешить активно преследовать таких «воров» «и ехать дорогою бережно же...». Тот же «почерк» казаков (хотя, вероятно, речь может идти и о «поздних» астраханских казаках – причем, конечно, в целом, типологическая картина казачьих набегов не меняется) прослеживается в совместном набеге «воровских казаков» и подданных шамхала Тарковского Будая (татар-еманчей) на струги, стоявшие в устье Терека (май 1693 г.)⁷⁴. Нападавшие сумели захватить струги с хлебными запасами и «стрелецкие ружья». 29 мая набег повторился, были ограблены в том же районе суда, «наряжавшиеся» в Астрахань и за Волгу. За нападавшими отправился крупный отряд, догнавший «воров» на «большом море»; в результате боя нападавшие сумели отбиться, уйдя в стругах и лодках⁷⁵. Тревога по этому поводу вызвала очередной всплеск переписки терского воеводы с Астраханью, тогда, кстати, отказавшей тому в помощи стрельцами. Ситуация не сильно изменилась и год спустя, когда терский воевода Н.С. Нарбеков сообщал П.И. Хованскому о необходимости присылки стрельцов для борьбы с «воровскими казаками», вновь появившимися на море. Воевода прямо писал о чрезвычайном характере казачьей угрозы: «а на Тереке... самое малолюдство, а воровские казаки опять явились на море и чинят воровство по-прежнему. А с Терку для проезду в Астрахань по хлебные запасы стало быть опасно. А для поиску их воров послать некого»⁷⁶. Можно согласиться с замечанием П.П. Короленко о том, что именно масштабы действий казаков (как видится автору – в т.ч. кубанских) на Каспии и на Волге обратили внимание самого царя Петра I, поскольку эти «разбойники» наносили большой вред «торгово-промышленной деятельности Астраханского края»⁷⁷. Вероятно, именно с таким основанием можно связать отправку грамоты (август 1698 г.) из приказа Казанского дворца воеводе И.А. Мусину-Пушкину с рас-

поряжением продолжить борьбу с «воровскими людьми» и «раскольниками» на Волге и Каспийском море⁷⁸. Еще раз подчеркну, без участия в описываемых процессах кубанских казаков дело не обошлось. Именно они, в составе 150 человек, напали в 1696 г. на астраханских стрельцов на Каспийском море и сумели при этом захватить часть людей в плен⁷⁹.

В 1694 г. крупная группировка кубанских казаков под предводительством Л. Маноцкого, направилась в союз с ногайцами и калмыками на «украинные» города России: Рыбный, Усерд (под Воронежем). Однако набег не удался, и донцы, разбив «кубанцев» на их пути, захватили даже в плен 32 казаков-«ахреян» в плен⁸⁰. В том же году донцы, отправленные против ногайцев, неожиданно обнаружили в степи несколько сот кубанских казаков и ногайцев, перевозивших суда на колесах в сторону Волги. При своем отступлении кубанские казаки заявили: «Мы узнали, как на Волге пленить. Хотя вы суды у нас отбили, мы к весне изготовя суды и еще пойдем к Волге. Вы нас не укараулите!»⁸¹ Помимо искусства конской езды, казаки здесь, отмечу, демонстрируют давние традиции донцов переправки на далекие сухопутные расстояния лодок, чтобы затем применить их по назначению. Так случилось в 1694 г., и позже, в 1697 г., когда 13 казаков в составе группировки Кубек-аги везли с собой лодку, отправившись с Кубани к Волге для взятия «языков»⁸². В последнем случае казаки следовали согласно содержанию «листа» турецкого паши (видимо, азовского), присланного на Кубань.

Как видим, группы казаков часто действовали вместе с азовскими татарами, ногайцами, калмыками, объединяясь порой в крупные отряды. Например, еще около 1692–1693 гг. до 150 кубанских казаков и азовских татар, выступив вновь под командой Кубек-аги, «били под Маяцкой», взяв там в полон 17 человек⁸³. Примечательно, что кубанские казаки свою часть пленных беспрепятственно продали в Азове, получив за каждого по 10 алтын и направившись затем на Кубань. В том же районе

⁷² Архив СПбИИ РАН. Ф.178. - Оп.1. - Д.12371. - Л.1.

⁷³ Архив СПбИИ РАН. Ф.178. - Оп.1. - Д.12352. - Л.1–5.

⁷⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф.178. - Оп.1. - Д.12585. - Л.1.

⁷⁵ Там же. - Л.2.

⁷⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф.178. - Оп.1. - Д.12575. - Л.1.

⁷⁷ Короленко П.П. Указ. соч. - С.14.

⁷⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф.178. - Оп.1. - Д.13165.

⁷⁹ Цит по: Боук Б.М. Указ. соч. - С.34.

⁸⁰ Короленко П.П. Указ. соч. - С.14.

⁸¹ Цит по: Боук Б.М. Указ. соч. - С.34.

⁸² РГАДА. Ф.119. - Оп.1. 1697 г. - Д.9. - Л.7.

⁸³ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. - Стлб.1406. - Л.124.

Северского Донца вскоре пострадал и г. Тор, и вновь мы наблюдаем, как перед набегом казаки прибывают сначала с Кубани в Азов, а затем через него же – обратно. Другой казак по возвращении из набега получил в Азове же лошадь и полтора рубля денег. В последнем случае с Тором, подчеркну, также усматривается целеполагание казаков и азовцев, а не слепая удаля размашистого удара набега. Дело в том, что второе «имя» указанного городка – Соляной, городок на р. Торце (Торе), где имелись богатейшие соляные озера. Неслучайно там часто собиралось «*большое собрание русских людей за солью*»⁸⁴.

В целом рассмотренные «азовские практики» из жизни казаков, проанализированные в связи со многими другими источниками⁸⁵, позволяют сделать новый в историографии вывод о привычном, безопасном для кубанских казаков пребывании в Азове, что отмечало поведение, например, еще аграханских казаков⁸⁶. Подчеркну, что часть казаков проживала в Азове *постоянно*, либо относилась к Азову как к удобной перевалочной базе – по пути в походы с Кубани и обратно. Здесь же затрону вопрос о времени преодоления казаками пути от Кубани до Азова, что уместно рассматривать в числе других важных оснований, влиявших на повседневную жизнь казаков, насыщенную проявлениями воинского быта и соответствующего напряжения сил. Итак, один из пойманных кубанских казаков свидетельствовал, что от Азова до Кубани, где кочует Кубек-ага и живут «*расколыщики*» – пять дней сухого пути⁸⁷. Кубек-ага действительно становится постоянным участником и свидетелем жизни казаков Кубани, старается их брать в походы часто, пусть и небольшими группами. Так, в 1694 г. семь казаков сопровождали его в Крым, откуда сам хан намеревался летом отправиться с войсками на Можары⁸⁸(Кабарда).

Случалось и так, что ватаги собирали сами казаки, например, так поступил казак Демка Башмак в 1694 г., собрав «*росколыщиков*»

⁸⁴ Короленко П.П. Указ. соч. - С.10.

⁸⁵ РГАДА. Ф.210. Белгородский стол. - Стлб.1406. - Л.126, 177; Архив СПбИИ РАН. Ф.178. - Оп.1. - Д.12366. - Л.1.

⁸⁶ РГАДА. Ф.111. - Оп.1. 1691 г. - Д.2. - Л.5.

⁸⁷ РГАДА. Ф.210. Белгородский стол. - Стлб.1406. - Л.179.

⁸⁸ РГАДА. Ф.210. Белгородский стол. - Стлб.1406. - Л.183.

Левку Степанова, Савостку Иванова, Игнашку Шлепина, Максимку Белоусова, Фетку Горбуна, Максимку Горажанова (в соединении с 23 татарами), «*пошли было для войны под украинные городы*». С Кубани же, как заявляли сами казаки, тоже «*ходить для воровства сподобно*», причем, разумеется, не стоит переоценивать степень самостоятельности такого рода действий; ведь даже сторонним наблюдателям было вполне ясно, что казаки шли к хану в «*холопство*».

Если говорить об уровне боевой подготовки кубанских казаков, то ее уверенно можно признать высокой. Постоянная мобильность вызывала совершенствование выучки – владение конем, умение управляться с «*переносными*» судами (см. выше), холодным и огнестрельным оружием. Среди элементов воинского снаряжения кубанских казаков точно можно указать на пищали и копья, причем казаки желали бы обзавестись и пушками⁸⁹; причем в последнем случае крымский хан решительно отказал. Выступление в поход (часто под командой Кубек-аги) сопровождалось избранием казаками походного атамана с выставлением знамен (двух, если отряд возглавлял атаман и одного – если группа была немногочисленной), расшитых красными и белыми цветами⁹⁰. Использовали крымцы с азовцами и великолепно знание казаками топографии донских и иных земель: «*И ходят они ватажным агами с крымскими и с озовскими татарами для войны великих государей под украинные городы*»⁹¹. Л. Маноцкий, например, был «*вожем*» во время нападения на г. Маяцкий (Северский Донец), а Демка Башмак выступил в таком же качестве, когда азовцы двинулись под донской Митякинский городок. Один небольшой список казаков, содержащий в числе других аналогичных свидетельств сведения об антропонимии казаков, их происхождении, позволю привести: «*...донской казак с реки Медведицы Савка Пахомов, да разбойник, которой разбивал по Волги, Афонка Обрамов, донские казаки с городка Голубые Якушка Горожанов, с Михалева городка Васка Мануйлов и с Строи... на (Сиротина? – Д.С.) городка Давыдка Лукьянов. А иные де... которые живут на Кубани и в Озове (выделено нами. – Д.С.) по имяном он, Левка... не упом-*

⁸⁹ Там же. - Л.179.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же. - Л.126.

нит»⁹². Известно также, что какое-то время в Азове проживал сам Л. Маноцкий, по крайней мере, применительно к событиям 1694 г. об этом говорится в настоящем времени.

Были случаи, когда из Азова казаки решали все же бежать, преследуя, правда, своекорыстные интересы, а не спасаясь от преследований турок. Так, уже известный Д. Башмак, сговорившись с казаками-«раскольщиками», жившими в Азове, задумал отогнать в Черкасск конский табун. Замысел был раскрыт, товарищи Башмака от погони ушли, а сам Башмак, проплутав какое-то время, принес повинную азовскому бею и попал в местную тюрьму⁹³, просидев там несколько месяцев. Итог истории, считаю, оказался закономерен – приехавший в Азов Кубек-ага взял казака «на поруки», и Башмак обрел волю, вновь сделавшись участником набегов.

Случавшиеся между казаками и Кубек-агой конфликты, еще раз подчеркиваю, принципиального характера (по принципу недоверия, либо нежелания казаков служить хану и т.п. оснований) не носили и, конечно, не влияли на социальный фон общего благополучия кубанских казаков. Впрочем, причиной разногласий иногда становилась излишняя активность казаков на почве акций, несогласованных с татарами. К примеру, это можно отнести к сфере мелких набегов, целью которых могли быть пленные. Справедливо мнение О.Г. Усенко о том, что «судя по всему, рабовладение у кубанских казаков было нормой. Для продажи "ясыря" к ним ехали отовсюду – и кубанские татары, и ногайские, и кумыцкие. ... Но "окреане" и продавали рабов – тем же кочевникам..., армянским купцам, а может быть, и туркам» (предположение подтверждается, в настоящем параграфе автор приводит факты продажи полона именно в Азове. – Д.С.)⁹⁴. Ученый далее приводит факт 4-летнего пребывания в неволе у кубанских казаков И. Алексева, бежавшего в Азов летом 1702 г. Случалось и так, что невольники сопровождали кубанских казаков во время тяжелого и непростого рыбного лова на Черном море, где казаки устраивали даже зимовки⁹⁵. Пленники были, очевидно, интерес-

ны казакам еще в таком измерении – возможностью брать их на «окуп», получая в итоге несколько большую сумму, чем того требовал «рабовладелец». В этом мы видим продолжение «традиций» пленопродавства, бытовавших еще у казаков на Дону и сохранявшихся при молчаливом согласии России, разрешавшей донцам устраивать сбор «окупных денег», например, в том же Азове (конец XVII в.)⁹⁶. Конечно, указанный шаг могли позволить себе не все казаки, а наиболее зажиточные – следовательно, в будущем можно исследовать вопрос о внутренних стратах кубанского казачества, что влияло на отношения внутри сообщества. Так, солдат В. Переносов рассказывал в 1702 г., что, будучи пленен кумыками, он был отвезен своим «хозяином» Уразаем на Кубань и отдан «на выкуп городка Копыла казаку Емельяну Иванову за тридцать за пять рублей»⁹⁷. В августе 1699 г. в российский тогда уже Азов прибыла группа татар с Кубани с письмом от Шабас-Гирея и группой пленных. Оказалось, что в плен их взяли казаки-«ахреяне», «кои, пришед ис казачих донских городков... живут у них на Кубани, да с ними ж, де, из кубанских же из аулов татар и китайцов (речь о хатай-кипчаках. – Д.С.)... без ведома салтанского и кубекова самодуром»⁹⁸. На основании состояния мира между Россией и Османской империей Шабас-Гирей велел наказать виновных, и при участии Кубек-аги двое казаков-«ахреян» вскоре оказались «в железах». Подробности расспросных речей освобожденных из «ахреянского» плена людей очень интересны. Так, напали на них, оказывается, ночью, когда солдаты, неосторожно выехав из Азова, оказались на Очаковской косе. По пути следования на Кубань казаки-«ахреяне» рассказали пленным о «незапланированном» характере нападения, поскольку главная цель состояла в следующем: проникнуть в донские гирла (казаки везли с собой лодку, что уже не раз нами отмечено) и попытаться захватить либо самого Петра I, либо кого из «бояр и немцев». О бравде со стороны казаков говорить не приходится – их, в порядке сбора оперативной информации

научный оборот О.Г. Усенко. См. его: Начальная история кубанского казачества. – С.72-77).

⁹⁶ Доба гетьмана Ивана Мазепы в документах. – К., 2007. – С.573 и др.

⁹⁷ РГАДА. Ф.158. 1702 г. – Д.142. – Л.3-3 об. (документ введен в научный оборот О.Г. Усенко. См. его: Начальная история кубанского казачества. – С.72-77).

⁹⁸ Доба гетьмана Ивана Мазепы в документах. – С.577.

⁹² Данные за 1694 г. См.: РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. – Стлб.1406. – Л.126.

⁹³ РГАДА. Ф.210. Белгородский стол. – Стлб.1406. – Л.181.

⁹⁴ Усенко О.Г. Указ. соч. – С.69.

⁹⁵ РГАДА. Ф.158. 1702 г. – Д.142. Л.7 (документ введен в

интересовал даже внешний вид царя. Важное обстоятельство, имеющее, на наш взгляд, отношение, к проблеме содержания пленных, а отсюда, вероятно, и *нормальности* такого явления в жизни кубанских казаков: «...и, привезши их, ахреяны взяли к себе на Кубань и посадили в тюрьму...» (выделено нами. – Д.С.)⁹⁹. Вскоре о таком самовольстве казаков стало известно Кубек-аге, не преминувшему донести об инциденте Шабас-Гирею и освободившему узников казаков.

Еще большая опасность исходила от кубанских казаков в той части их активных действий, которые касались «*сманивания*» на Кубань прежде всего донских казаков. В октябре 1693 г. эндереевский Муртазалеи-мурза сообщил о намерении казаков из двух донских городков уйти на Кубань к казакам-раскольникам, где Кубек-ага построил им городок¹⁰⁰. Встревоженный кн. П.И. Хованский почти немедленно сообщает об этом в своей отписке на царское имя. А в 1703 г. на Дон была отправлена царская грамота о принятии Войском мер к сыску «воров», поговаривающих казаков уйти с р. Медведицы на Кубань¹⁰¹. Кроме того, необходимо сказать, что в союзе с казаками по-прежнему заинтересованы кавказские феодалы – например, все тот же шамхал Тарковский¹⁰². Надо думать, что и кумских казаков кабардинские князья не спешили выдавать «*головой*» Москве.

Интересен и сюжет с участием неизвестного пока «*кубанского паши*», использовавшего татар «*для возмущения на Кубань*» донских казаков – описанный случай произошел осенью 1709 г., когда на Кубань сумели уйти до 40 казаков с женами и детьми, жители Кобылинского городка¹⁰³, умело действуя при помощи кубанских же казаков, пригнавших табун лошадей. Уточнения трактовки сюжета, конечно, необходимы (к примеру, идет ли речь о паше Тамани, Ачуева, либо титул был неправильно истолкован переводчиком расспросных речей татар). Однако уже сейчас невозможно отрицать факт системной поддержки

казаков не только Гиреями, но и высшими чинами турецкой администрации, а вскоре, как окажется, и Османами. Среди подробностей той истории – важная деталь, характеризующая состояние прочных связей кубанских казаков с Доном, о чем ниже еще пойдет речь. Оказывается, что, приехав с Кубани к Кобылинскому городку, казаки там побывали, и лишь затем отправились в степь. При этом звучали слова о том, что едут они в казачьи городки «*для возмущения казаков с собою на Кубань*»¹⁰⁴.

23 октября того же года под Царицыным в бою был убит кубанский казак, при котором находились уникальные во всех смыслах документы. Их содержание позволяет говорить об особенностях складывания войсковой организации у кубанских казаков, уточняют представления о правовом положении казаков как подданных хана, наконец, преподносят образцы частной переписки казаков с их родственниками на Дону.

Один из документов, найденных при казаке (см. выше), гласит: «*От кубанских атаманов молотцов от войскового атамана Савелья Пахомовича и от всего Войска Кубанского. Вестно тебе пача, послали мы от войска к тебе своих казаков Андрея толмача да Мартына для того что ниши казаки явилис у тебя в Крыму а тех казаков мы войском отпущали на Дон для ведомости. И тебе б пожаловать отпустить тех нацих казаков. Оне ниши казаки. К сей войсковой грамоте ниша войсковая печать приложена*»¹⁰⁵. Наличие в документе указанной формулы о войске, другие аргументы, привели некоторых исследователей к выводу о существовании войсковой формы организации у кубанских казаков в «*донекрасовский период*», т.е. на рубеже XVII–XVIII вв. Отмечу, что при характеристике новых социальных практик казачества, осваивающего Северо-Западный Кавказ, начиная с конца XVII в., необходимо учитывать такое обстоятельство: к настоящему времени сложилась прочная историографическая традиция, аргументировано доказывающая складывание у казаков Крымского ханства *войсковой организации*.

Обоснованию историчности данной номинации автор посвятил несколько работ, включая два издания монографии; другие историки, прежде всего – Б.М. Боук и О.Г. Усен-

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф.178. - Оп.1. - Д.12449. - Л.1.

¹⁰¹ Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Шишкиным. - Новочеркасск, 1891. - Т.1. - С.204–205.

¹⁰² Архив СПбИИ РАН. Ф.178. - Оп.1. - Д.12585.

¹⁰³ РГАДА. Ф.111. - Оп.1. 1709 г. - Д.12. - Л.1, 10 об. и др.

¹⁰⁴ РГАДА. Ф.111. - Оп.1. 1709 г. - Д.12. - Л.1.

¹⁰⁵ РГАДА. Ф.111. - Оп.1. 1709 г. - Д.12. - Л.3–3 об.

ко, внесли весомый вклад в изучение указанной проблемы, предложив такие варианты наименования указанного войска как Первое Кубанское казачье войско и Кубанское казачье войско. Например, О.Г. Усенко полагает, что 1-е ККВ сформировалось уже до прихода на Кубань некрасовских казаков, на рубеже XVII–XVIII вв.¹⁰⁶; автор же настоящей публикации считает, что указанный период – лишь начальный этап складывания войсковой организации у кубанских казаков, впервые массово пришедших на Кубань лишь на рубеже 1680–1690-х гг. Другое дело, что указанный процесс в силу ряда причин оказался «сжат» во времени, и поэтому уже в 1709 г. эти новые насельники Кубани писали, вероятно, самому крымскому хану, от лица «*всего Войска Кубанского*», чтобы тот отпустил посланцев этого войска, отправленных на Дон. Номинации – «*войско*», «*войсковой атаман*» – применительно к казакам Кубани – весьма быстро входят в документооборот тех времен. Так, например, в отписке бригадира Ф. Шидловского (изложенной в списке с памяти в Посольский приказ Ф.А. Головину из Адмиралтейского приказа от 31 июля 1706 г.) находим: «*Да они ж, донские казаки, посылали на речку Красную в новопостроенные полку ево слободы, и своим войсковым указом, кубанского атамана, страшаячи их таковым же боем, и разорением, и грабежем, чтоб тое слободы жители полку ево казаки кумпанейщики к Изюму в службе и ни в чем бы не послушны были*»¹⁰⁷.

Полагаю, что современный дискурс лежит, таким образом, не в поле доказывания самого факта проживания в регионе именно кубанских казаков и наличия у них войсковой организации (скептическое отношение к чему до сих пор присутствует в среде некоторых казачеведов – О.В. Матвеев, Н.И. Бондарь и др.), а в поле институционализации различных групп казаков, главным образом, выходцев с Дона, в казачье войско, особенностях его инкорпорирования в систему управления ханами своими кубанскими владениями, участия казаков войска (как части вооруженных сил Крымского ханства), например, в русско-турецких войнах. При этом очевидно, что дальнейшее изучение заявленных проблем и процессов не в последнюю очередь зависит от ответа на вопрос о статусе пребывания казаков

на Правобережной Кубани, их ответственности за свои антироссийские действия не как беглецов, скрывающихся от власти ханов, но, напротив, как людей, отдававших себе отчет в невозможности столь широких маневров *вне факта и последствий признания своего подданства* по отношению к Гиреям.

Представляется, что весь приведенный выше материал, рассмотренный в связи с типологией социальных практик первых кубанских казаков, свидетельствует: указанное общество свой выбор делает быстро, осознанно, и без довлеющего влияния на указанный выбор со стороны иноконфессионального, иноэтнического окружения кубанских казаков. На примере уже ранней истории кубанского казачества великолепно иллюстрируется мысль Ф. Барта о том, что, меняя идентичность (например, по основаниям подданства) «*человек может, делая ровно то же самое, получить гораздо более высокий результат, измеряемый по иной, становящейся в этом случае релевантной шкале*»¹⁰⁸. Турецкому Азову, Гиреям принадлежала важная роль в актуализации казаками своего *разрыва* с Доном по целому ряду качественных оснований. Турки и татары не просто временно поддержали «*царских изменников*», но оказались готовы к системным формам поддержки казаков, развивая их на всем протяжении уже XVIII в. С другой стороны, к Исходу во владения хана оказались готовы и сами казаки, онтологичность которого (Исхода), повторюсь, подтверждается семейным характером ухода на Кубань даже не одной, а нескольких групп. Знаковый (семиотический) характер такого Исхода определяется, на мой взгляд, еще одним обстоятельством – перенесением аграханскими казаками на Кубань тела авторитетнейшего среди них Досифея¹⁰⁹. В целом можно полагать, что уже в конце XVII в. кубанское казачество стало играть активнейшую роль в активизации новых переходов донцов на Кавказ, набегах ногайцев и турок на окраины Российского государства и общем повышении внимания Крыма, Османской империи и России к казачеству как важному игроку на пространстве Дикого Поля и сопредельных территорий.

¹⁰⁶ Усенко О.Г. Указ. соч. - С.69.

¹⁰⁷ РГАДА. Ф.111. - Оп.1. 1706 г. - Д.19. - Л.17.

¹⁰⁸ Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / Под ред. Ф. Барта. - М., 2006. - С.30.

¹⁰⁹ Дружинин В.Г. Указ. соч. - С.211-212.